

Валерия Прищепова

К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)

Имя Самуила Мартыновича Дудина-Марцинкевича (1863–1929) — художника, этнографа, путешественника, фотографа, коллекционера, исследователя искусства народов Востока, страстного библиофила (ил. 1) — широко известно в научной литературе. К его наследию обращаются ученые разных специальностей: археологи, историки, этнографы, архитекторы, специалисты по культуре народов Средней Азии, Казахстана, Дальнего Востока, Европы¹.

**Валерия Александровна
Прищепова**
Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
aprischepov@yandex.ru

Ил. 1. Автопортрет С.М. Дудина.
Фотография с рисунка. 1920-е гг. РЭМ. ИМ9-22

¹ Краткий вариант биографического очерка о С.М. Дудине был опубликован в: [Вишневецкая 1992].

Собирательская и научная деятельность С.М. Дудина началась в конце XIX столетия, именно в эти годы он сформировался как многоплановый ученый. Во время экспедиций его интересовали нравы и обычаи народов, их внешний облик, верования, хозяйство, традиции, окружающая среда и т.п. Поэтому собранные коллекции отличаются обилием различных материалов по культуре и быту как городского, так и сельского населения. С.М. Дудин принимал деятельное участие в делах многих научных учреждений, работал по программам Музея антропологии и этнографии (МАЭ), Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии¹, Этнографического отделения Русского музея, Археологической комиссии, сотрудничал с ведущими специалистами того времени в области археологии и этнографии. В многочисленных и длительных командировках и экспедициях С.М. Дудин был ближайшим помощником академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, профессоров Н.И. Веселовского, Л.Я. Штернберга и др. Следует отметить, что и ученые-ориенталисты с большим интересом и вниманием относились к его работе.

Академик С.Ф. Ольденбург, указывая на разноплановую деятельность С.М. Дудина, справедливо замечал: «Этнографо-археологическо-технические исследования С.М. Дудина дали немало для познания прошлого и настоящего Центральной Азии. Надлежащим образом использованные собранные Самуилом Мартыновичем материалы дадут еще больше для понимания истории материальной культуры <...> По многим областям и вопросам материальной культуры Центральной Азии без материалов Самуила Мартыновича нельзя сделать в настоящее время решающих исследований <...> Художник, музейный работник, путешественник, этнограф, археолог Самуил Мартынович занимает свое определенное место в истории изучения Центральной Азии, и имя его не будет забыто» [Ольденбург 1930: 357].

Жизнь и деятельность С.М. Дудина привлекали внимание многих исследователей, в том числе В.В. Бартольда, Е.Ф. Карского, Э.К. Пекарского [Бартольд 1930; Карский 1930; Пекарский 1930]. Ценный материал можно найти в капитальных работах Б.В. Лунина [Лунин 1958; 1962; 1965; Ахунова, Лунин 1970]. В ряде трудов других исследователей (Д.К. Зеленин, Т.В. Станюкович и др.) [Зеленин 1930; Аргынбаев 1959; Станюкович 1978] также содержатся данные о жизненном и научном пути Самуила Мартыновича. Перу А.С. Морозовой,

¹ Полное название — Русский Комитет для изучения Восточной и Средней Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903–1918).

Ил. 2. Группа сотрудников МАЭ. Снято в 1914 г. в проходе между МАЭ и Зоологическим музеем. Слева направо: К.В. Щенников, Г.Г. Манизер, Я.В. Чекановский, С.М. Дудин, В.М. Лемешевский, Э.В. Пекарский. МАЭ РАН. И-1371-3

О. Апухтина, Г.П. Васильевой, С.В. Дмитриева принадлежат специальные работы о творчестве С.М. Дудина [Морозова 1973; Апухтин 1974; 1977; Васильева 2003; Дмитриев 2006] (ил. 2).

С.М. Дудин стал одним из первых собирателей материалов по мусульманским народам России. Собранные им коллекции легли в основу научных фондов Эрмитажа и Научно-исследовательского музея Академии художеств, Музея истории Узбекистана и ряда историко-краеведческих музеев. Дудин заложил основы фондов по народам Средней Азии Российского этнографического музея (РЭМ). С 1890-х гг. С.М. Дудина связывала творческая дружба и научное сотрудничество с директором МАЭ — первого в России этнографического музея — академиком В.В. Радловым. В МАЭ хранятся собранные С.М. Дудиным вещевые коллекции по традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана. С его деятельностью связана целая эпоха в истории формирования иллюстративных коллекций музея по этому региону.

С.М. Дудин был старейшим сотрудником МАЭ. Фактически начало его сотрудничества с музеем относится к 1891 г. Он принимал участие в работе Археологической комиссии, Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии, выставлял свои произведения на художественных выставках. С 1911 г. С.М. Дудин занимал должность заведующего фотомастерской

МАЭ. Одновременно с 1914 г. он работал ученым хранителем Отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, возглавлял Отдел изображений, муляжно-модельную мастерскую, в течение двадцати лет безвозмездно исполнял обязанности секретаря совета музея и Радловского кружка при МАЭ с момента его основания в 1918 г.

В местечке Ровном Елисаветградского (в советские годы Кировоград, Украина) уезда Херсонской губернии в семье Мартына Тихоновича Дудина и его жены Ольги Дементьевны 19 августа 1863 г. родился сын Самойло — будущий художник и исследователь [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 164. Л. 5]. Отец С.М. Дудина был отставным квартирмейстером Казанского драгунского полка. Выйдя в отставку, он поселился в местечке Селенастом Елисаветградского уезда и стал сельским учителем.

С детства С.М. Дудин любил рисовать. Сначала мелом, везде, затем более осмысленно, например, эпизоды военной жизни, рассказанные отцом. По окончании школы он поступил в Елисаветградское земское реальное училище. До четвертого класса С.М. Дудин был земским стипендиатом, а потом учился за счет родителей. Однако училище он не окончил. Во время учебы в последнем, седьмом классе С.М. Дудин был арестован за народовольческую деятельность и заключен в Елисаветградскую тюрьму, затем в Московскую центральную, а в 1887 г. без суда, в административном порядке сослан в Восточную Сибирь. Сначала в Верхнеудинск, а потом в Кяхту-Троицкосавск Забайкальской области. В ссылке С.М. Дудин пробыл пять лет.

По воспоминаниям Э.К. Пекарского, группа украинской «громады», в которой состоял С.М. Дудин, поддерживала связь с народовольцами Киева и Харькова, устраивала чтения нелегальной литературы, занималась пропагандой среди рабочих, проводила политические вечера. С.М. Дудин в этом кружке занимался переводами писателей-народников на украинский язык, изучал создание взрывчатых веществ. Пригодились и его художественные способности — он вырезал из дерева печати [Пекарский 1930: 344–348]. Позже С.М. Дудин к революционной деятельности не возвращался.

В Забайкалье при содействии Главной физической обсерватории С.М. Дудин устроил метеостанцию и вел наблюдения, собирал геологические коллекции, русский фольклор, делал этнографические зарисовки у бурят. Весь этот материал он передал в Музей Восточно-Сибирского отдела Географического общества.

В ссылке С.М. Дудин познакомился с семьей известного исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина, с которым работал в качестве художника — делал рисунки и наброски

из бурятской жизни. Ученый помог С.М. Дудину переехать в 1890 г. в г. Троицкосавск, где он пробыл до 1892 г., и поступить там на работу в фотостудию также ссыльного Н.А. Чарушина. Портреты старообрядцев и пейзажи они передали в МАЭ и тем дополнили коллекции музея по русскому населению Забайкалья [Лаврентьева 2009: 41]. Т.В. Станюкович, характеризуя разные категории собирателей коллекций музея, отмечала: «Сотрудники МАЭ охотно инструктировали лиц, интересующихся этнографией, а таких было немало, особенно из числа политических ссыльных и сельской интеллигенции <...> В числе политических ссыльных, связавших свою судьбу с МАЭ и впоследствии ставших сотрудниками музея, можно назвать фотографа музея С.М. Дудина» [Станюкович 1972: 17].

На одном из заседаний историко-филологического отделения Академии наук в 1897 г. зачитывалось письмо художника С.М. Дудина, в котором он сообщал, что просит МАЭ принять в дар фотографии, снятые им во время проживания в Троицкосавске. В коллекцию вошли снимки местностей Забайкалья, Восточной Сибири, типов населения, предметов обихода бурят, а также монголов, монгольских монастырей [Заседание 1897]. С этого времени началось увлечение С.М. Дудина фотографией, сделавшее его впоследствии известным профессионалом в этой области.

Сотрудничество С.М. Дудина с МАЭ продолжилось в Кяхте, где в 1891 г. он познакомился с директором музея академиком В.В. Радловым, возглавлявшим Орхонскую экспедицию. В.В. Радлов привлек С.М. Дудина к работе в качестве рисовальщика-фотографа. Целью этой экспедиции, организованной Академией наук, было исследование бассейна реки Орхон, древнего города Каракорума и его окрестностей с памятниками VII в. Задачей участников экспедиции было составление карты исследуемых местностей, подробных планов отдельных развалин и кладбищ, проведение раскопок. На С.М. Дудина было возложено выполнение рисунков и фотографий древних памятников, изготовление точных снимков всех надписей. В 1892 г. он подготовил альбом рисунков монгольских древностей, изданный в «Трудах Орхонской экспедиции».

Еще летом 1891 г., во время работы экспедиции, В.В. Радлов начал хлопотать, чтобы С.М. Дудина приняли учиться в Академию художеств. Сохранилось письмо В.В. Радлова, отправленное им в Академию художеств, с просьбой о зачислении С.М. Дудина студентом [РГИА. Ф. 789. Оп. 11-1891. Ед. хр. 164. Л. 1об.]. По ходатайству Г.Н. Потанина С.М. Дудин был амнистирован и осенью 1891 г. вместе с членами экспедиции приехал в Петербург.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что С.М. Дудин уже в годы учебы в Академии художеств серьезно интересовался историей и культурой Востока. Это сыграло важную роль в выборе им дальнейшего пути в науке. Будучи студентом и постоянно сотрудничая с МАЭ, Дудин учился у крупнейших востоковедов: академика В.В. Бартольда, профессора Петербургского университета, знатока самаркандских памятников Н.И. Веселовского, позже — у академика С.Ф. Ольденбурга. Как исследователь С.М. Дудин в значительной мере оформился под влиянием В.В. Радлова, который охотно руководил молодежью, подсказывал начинающим темы научных занятий.

Когда в Археологической комиссии Академии наук возникла идея о снаряжении разведочной экспедиции, «которая обследовала бы в пределах Семиреченской, Сыр-дарьинской и Семипалатинской областей долины Илийскую и рр. Талас и Шу, где имеется немало следов древних поселений уйгурских и сирийских» [АИИМК РАН. 1892. Ф. 1. Оп. 1. № 187. Л. 1–2], В.В. Радлов рекомендовал комиссии воспользоваться способностями рисовальщика С.М. Дудина и командировать его в эти края. В.В. Радлов был высокого мнения о работе С.М. Дудина в Орхонской экспедиции: «Задача его состояла в том, чтобы делать с натуры эскизы развалин и отдельных памятников древности, встреченных нами на пути, снять фотографические виды и оказывать мне помощь при снимании эстампажей с надписей. Насколько удачно он успел исполнить свои задачи, доказывает изданный в “Трудах Орхонской экспедиции” “Атлас древностей Монголии”» [АИИМК РАН. 1892. Ф. 1. Оп. 1. № 187. Л. 2].

В.В. Радлов даже предлагал отправить Дудина самостоятельно собирать материалы, дав ему точные инструкции: «Самый интересный край, куда можно бы было направить силы Дудина, — считал В.В. Радлов, — наши среднеазиатские владения, Сыр-дарьинская область, долина р. Шу и Семипалатинская область (Тарбагатай и Иссык-куль)» [АИИМК РАН. 1892. Ф. 1. Оп. 1. № 187. Л. 1]. Предполагалось, что С.М. Дудин сделает фотоальбом, эстампажи с надписей на камнях, которые вместе составили бы уникальный материал для истории Средней Азии.

В 1893 г. Академия наук приняла решение о составе археологической экспедиции, в которую вошли молодой ученый, магистрант Петербургского университета, а впоследствии академик В.В. Бартольд (он должен был вести исследования по истории, географии, древней истории тюркских народов) и С.М. Дудин, в те годы студент Академии художеств (для фиксации памятников древности). Целью экспедиции было разыскание древних развалин христианских кладбищ, памятников и надписей

в Семиреченской области, Тарбагатае и Восточном Туркестане. Для С.М. Дудина эта поездка стала первым посещением Центральной Азии.

По воспоминаниям В.В. Бартольда, в 1893 г. ни он, ни С.М. Дудин не обладали необходимой для поездки подготовкой в деле изучения материальных памятников. Несмотря на опыт работы С.М. Дудина в Орхонской экспедиции В.В. Радлова, он был незнаком со Средней Азией, с ее архитектурой. Впоследствии В.В. Бартольд отмечал подготовленность С.М. Дудина для исследовательских работ: «При составлении отчета я не только воспользовался его фотографиями, эстампажами, чертежами и т.п., но воспроизвел из его записей, предоставленных им в мое полное распоряжение, описание многих памятников, даже таких, которые были осмотрены нами обоими» [Бартольд 1977: 773].

В.В. Бартольд вспоминал, что маршрут экспедиции шел через Москву, Нижний Новгород, затем на пароходе по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю до Узун-Ада, оттуда по железной дороге в Самарканд, где тогда заканчивался рельсовый путь, из Самарканда в Ташкент на почтовых, из Ташкента верхом до Аулие-Ата и долины Таласа [Бартольд 1930: 349]. Но здесь путешественников подстерегала неудача — В.В. Бартольд при падении с лошади сломал ногу. Дальше С.М. Дудину пришлось одному совершить поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-куль. В эту поездку он впервые познакомился с обычаями жителей Самарканда, увидел замечательные памятники средневековой архитектуры, которые произвели на него особенно сильное впечатление. Во время поездки 1893 г. С.М. Дудин выполнил ряд рисунков и фотографий, составил описание древних памятников, встречавшихся на пути.

В МАЭ хранятся коллекции фотографий, выполненных С.М. Дудиным в экспедиции 1893–1894 гг. Одна из них содержит снимки деревянных резных дверей, другая, выполненная в Самарканде, — негативы образцов рисунков узбекских, туркменских и афганских ковров (МАЭ. Колл. 2123, 2124). С этих негативов были сделаны фотографии, которые зарегистрировали в отдельную коллекцию (МАЭ. Колл. 2832). В 1917 г. от С.М. Дудина в музей поступила коллекция негативов с изображениями среднеазиатских ковров из частных собраний Петрограда (МАЭ. Колл. 2636). Как отмечал сам собиратель, «предметы художественного творчества необходимо фотографировать в масштабе, который позволил бы самое подробное изучение их», что он и делал сам [Дудин 1921: 51]. С.М. Дудин был известен как тонкий знаток и ценитель туркменских ковров. Возможно, снимки ковров были выполнены с его же

собственной коллекции. Он посвятил теме ковроделия специальную работу, которая до настоящего времени является наиболее авторитетной для исследователей [Дудин 1928].

Летом 1894 г. С.М. Дудин предпринял по заданию В.В. Радлова экспедицию для сбора этнографических материалов на Украине [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1–2]. В это время он уже учился в Академии художеств, где поощрялись экспедиционные поездки студентов во время каникул. Студенты писали этюды и одновременно выполняли поручения МАЭ. По письмам С.М. Дудина к В.В. Радлову можно составить представление о том, как складывались исследовательские методы будущего известного собирателя. Письмо от 10 августа 1894 г. из Прилук содержит своего рода отчет о полевой работе в Малороссии: «Мной закуплены уже на ярмарках и по селам костюмы и вещи домашнего обихода. В настоящее время я только пополняю их недостающими образцами, исполняю кой-какие рисунки по наброскам <...> да печатаю снятые фотографии. Вещи начну высылать на днях. Пока мной (не вполне, конечно) представлены часть Полтавской и Херсонской губерний. Весь сентябрь я посвящаю Киевской и Херсонской губерниям. Харьковскую же оставляю <...> т.к. на нее у меня не хватит ни времени, ни денег» [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1]. По поводу возможности приобретения для музея старинных предметов домашнего обихода конца XIX в. С.М. Дудин сообщал, что это стоило очень больших средств: «Но как бы там ни было, я представляю все, что только возможно было достать на те средства, какие мне даны были Академией, т.е. типичнейшие и важнейшие костюмы мужские и женские, вещи домашнего обихода, т.е. утварь, украшения, рисунки вещей» [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 2].

Существовали и бытовые сложности, о которых писал С.М. Дудин: «Съемка типов и костюмов здесь также сопряжена с большой тратой времени и не всегда удается. Надо ждать праздничных дней, когда народ свободен, в будни же о съемках нечего и думать» [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1об.]. Во время командировок для сбора коллекций основное время уделялось приобретению этнографических материалов для музея, его регистрации и затем, «когда буду более свободен», выполнялись фотоработы [АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 245. Л. 32об.]. В результате экспедиционной поездки С.М. Дудина в 1894 г. по Киевской, Полтавской и Херсонской губерниям в музей поступили вещевые коллекции и иллюстративные материалы по культуре украинцев (МАЭ. Колл. 270, 5327, 1402).

На протяжении своей экспедиционной жизни С.М. Дудин много работал в Самарканде. Историко-архитектурную

экспедицию под руководством востоковеда профессора Н.И. Веселовского финансировала Археологическая комиссия. Экспедиция должна была составлять описания и фиксировать памятники Самарканда.

Летом 1895 г. С.М. Дудин был командирован в Самарканд вместе с архитектором П.Н. Покрышкиным. В последующие годы к работе экспедиции присоединились художники М.В. Печаткин, В.И. Быстренин, А.Д. Раевский, архитекторы К.А. Романов, Н.Н. Щербина-Крамаренко (впоследствии также ставший собирателем коллекций МАЭ), А.В. Шусев и фотограф И. Чистяков, которые должны были составлять описания и фиксировать памятники Самарканда. Рисунки и чертежи, относящиеся к Гур-эмиру, были выполнены П.Н. Покрышкиным и А.В. Шусевым, к Биби-ханым — Н.Н. Щербиной-Крамаренко и П.Н. Покрышкиным, а по комплексу Шаха-Зинда работы производились многими художниками. Фотографии были выполнены С.М. Дудиным и И. Чистяковым.

Одним из аспектов деятельности экспедиции Н.И. Веселовского было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Средней Азии, особенно Самарканда. Первыми объектами изучения стали две мечети: Гур-эмир и Биби-ханым. Работа предстояла очень большая по объему и была рассчитана на несколько лет.

Задачей С.М. Дудина как художника-фотографа было подробно фиксировать для научных целей сохранившиеся от разрушений местные архитектурные памятники и их убранство: «Из местных “охранителей древности” никто не дал себе труд собрать те мозаики какие имелись на барабане (площадь их по приблизительному расчету должна была равняться нескольким десяткам квадратных аршин!)» — писал он [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 3об.]. Фотографированию подлежали все архитектурные детали. О трудоемкой и кропотливой работе в условиях жаркого летнего Самарканда свидетельствуют строки письма С.М. Дудина В.В. Радлову: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 41об.]. С.М. Дудин с помощью двух студентов Академии художеств делал общие и детальные снимки архитектурных сооружений. Большие деревянные двери, украшенные художественной резьбой, которые находились в мечети Гур-эмир, уже поврежденные, чтобы спасти их от окончательной гибели, перевезли в Петербург. В настоящее время они хранятся в Эрмитаже.

Позже, в 1905—1907 гг. по поручению Русского Комитета по изучению Восточной и Средней Азии С.М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд. Наиболее плодотворным было лето 1905 г., когда С.М. Дудин производил раскопки в мавзолеях Шахи-Зинда, собирал коллекцию по древней среднеазиатской керамике для МАЭ и Этнографического отдела Русского музея и одновременно выполнял фотоснимки со старых архитектурных памятников. О большом объеме работ можно судить по письму С.М. Дудина В.В. Радлову: «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная Мирза-Улугбек окончена. На нее ушло 170 снимков <...> После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети <...> После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели <...> я успею выполнить все, что мною обещано Комитету» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 38об.].

В 1906 г. в залах Академии наук была организована выставка почти двухсот фотографий С.М. Дудина. Она вызвала большой общественный и научный интерес, о чем свидетельствуют отклики в печати и запросы библиотек на каталог выставки. Имя художника С.М. Дудина стали связывать прежде всего с этим альбомом фотографий Шахи-Зинда. Они фиксировали декоративные и архитектурные детали мавзолеев и мечетей и заняли место «среди наиболее ценных собраний отдела изображений МАЭ» [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 10] (МАЭ. Колл. 1966). Именно каталог этой выставки вместо описи хранится с коллекцией нескольких сот негативов, полученных музеем от С.М. Дудина в 1912 г. Во время поездки 1905—1907 гг. С.М. Дудин отснял более 1600 фрагментов декоративного убранства (изразцы и мозаики) всех архитектурных памятников эпохи Тимура и тимуридов.

В 1908 г. состоялась совместная экспедиция С.М. Дудина со знатоком истории архитектуры К.К. Романовым. Месяцы пребывания в Самарканде были насыщены работой: «В ожидании постройки лестниц и других плотницких работ занят съемкой общих видов фасадов, осмотров мечетей, подлежащих фотосъемке», — писал С.М. Дудин Л.Я. Штернбергу [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 33]. Наконец запланированная работа была выполнена: «Закончено фотографирование ряда памятников: Ак-сарай, Рухабад, Намазга, Чупон-Ата, Чиль докторон, медресе Тиля-Кари, медресе Мирза-Улугбек, Шир-дор, — сообщил С.М. Дудин из Самарканда. — Исполнение последних снимков для Шир-дор и Мирза-Улугбек связано с уборкой лавок и лавочек, которыми застроен в настоящее время Регистон. После этого я тотчас же перевожу леса за город и приступаю к съемке загородных мечетей. Время, которое таким образом осталось у меня и моего товарища до конца сентября, будет

употреблено на приготовление акварелей» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 101]. Результатом работы в экспедиции стали акварельные рисунки и фотографии старых архитектурных памятников Средней Азии.

К сожалению, акварели С.М. Дудина этого периода не обнаружены. Однако об одной его живописной работе тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С.М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портик Шах-Зинда с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майолика-ми» [Самарканд 1990]. В настоящее время в научно-исследовательском музее Академии художеств хранится другой этюд С.М. Дудина, выполненный маслом, — «Шах-Зинде. Группа мавзолеев» (МАХ. Ж-2249).

В этот же период С.М. Дудин принес в дар Самаркандскому музею «один из роскошных своих, писанных масляной краской этюдов — “дервиш”. Последний написан во весь рост на полотне размером 3 x 1,5 аршина и представляет живое олицетворение одного из многих в Самарканде печальных рыцарей духовного ордена накшбанди», — сообщила местная газета, с интересом наблюдая за работой известного исследователя [Самарканд 1990].

Выставка фотоснимков 1906 г. в залах Академии наук возобновила спорный вопрос об охране и проектах реставрации самаркандских памятников. С.М. Дудин предлагал собрать и вывезти в Петербург декоративные украшения, отпавшие со стен зданий, и те, которым угрожала та же участь. Наблюдая на протяжении ряда лет разрушение и расхищение выдающихся памятников старины, особенно в результате землетрясений 1897 и 1907 гг., С.М. Дудин писал В.В. Радлову, что с каждым годом ухудшается их состояние: «Нужно же решить, что делать, а не ждать у моря погоды. Ведь поступая таким образом можно кончить тем, что Археологическая комиссия сможет издать только Тамерлановский мавзолей и Шах-Зинде. А от остального у нас останутся только груды мусора» [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 4–4об.].

С.М. Дудин встретил много противников своей точки зрения, но в течение длительного времени отстаивал ее. Его единомышленником в решении данной проблемы был В.В. Радлов, с которым С.М. Дудин делился планами их реставрации и реконструкции. С.М. Дудин горячо боролся за их сохранение, несколько преувеличивая значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников. Он полагал, что лишь фотофиксация отдельных элементов декора и вывоз их в центральные музеи помогут в реставрации исторических

сооружений. Летом 1908 г. Археологическая комиссия выдала открытый лист «вследствие личного ходатайства академика В.В. Радлова <...> на право составления художником С.М. Дудиным коллекции изразцов <...> под неперменным условием представления таковых полностью в Русский Комитет <...> и в Русский музей» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 7]. Однако подобные действия встретили решительное сопротивление со стороны местной администрации и научной общественности Русского Туркестана, которые стремились создать свой музей, хранить и изучать материал на месте [Там же. Л. 96]. Об этом С.М. Дудин срочно телеграфировал в Петербург: «Собрание мозаик не разрешают» [Там же. Л. 89]. В письме он объяснил ситуацию подробнее: «При встрече с Вяткиным [известным археологом. — *В.П.*] я узнал, что местный комитет по охране памятников с губернатором во главе не разрешают увезти в Петербург обвалившиеся во время землетрясения изразцы и мозаики ни с одной из мечетей» [Там же. Л. 91]. «Настаивая на мысли собрания мозаик и изразцов <...> я имел в виду сосредоточить здесь весь декоративный материал старинных сооружений Туркестана» [Там же. Л. 96].

Работая в Самарканде, С.М. Дудин заботится и о пополнении этнографических коллекций МАЭ, о чем он сообщал его директору: «Для музея я купил несколько экземпляров росписи посуды и кое-какие мелочи» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 39об.]; «у местных торговцев черепками и т.п. я подобрал очень хорошую коллекцию. В нее вошли черепки и посуда, не имеющиеся в собрании Вашего музея» [Там же. Л. 103]. К письму С.М. Дудин приложил кальки с листов персидских книг, имея в виду возможность их приобретения для Азиатского музея [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 9].

Долгие годы в собраниях МАЭ хранились археологические материалы из древнего городища, прародителя Самарканда — Афрасиаба (МАЭ. Колл. 1054). Коллекция состояла из тысячи предметов, которые помогали полнее представить столицу цветущей Согдианы, две тысячи лет тому назад населенную искусными ремесленниками, купцами, духовенством. В настоящее время от обширной коллекции осталось в МАЭ лишь несколько керамических предметов, остальные были переданы в Эрмитаж.

В результате своих поездок С.М. Дудин обогатил МАЭ рядом предметных коллекций по материальной и духовной культуре населения Самарканда и Бухарской области, в том числе принадлежностями охоты с ловчими птицами и другими предметами, а также собранием превосходных снимков. Теоретическим итогом изучения С.М. Дудиным самаркандских

памятников стала его статья «Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей», которая содержала характеристику и технические замечания по выделке керамических изразцов, основанные на литературных источниках и личном опыте автора [Дудин 1903]. Некоторые наблюдения С.М. Дудина, касавшиеся сохранения памятников архитектуры, представляли интерес для своего времени, но сейчас утратили актуальность.

Работа экспедиции Н.И. Веселовского и его коллег, в том числе С.М. Дудина, была справедливо оценена научной общественностью как начало систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда. В результате работы экспедиции было произведено обследование архитектурных памятников Самарканда, и были выпущены художественные издания. Однако В.В. Бартольд писал, что издание альбома «требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир и это здание в нем далеко не исчерпано» [Бартольд 1921: 351].

В 1912 г. С.М. Дудин передал музею большую коллекцию негативов (более 260 единиц) снимков общего вида и деталей мавзолеев Шахи-Зинда, которые он сделал, как указано в музейных документах, во время командировки от Русского Комитета в Самарканд (МАЭ. Колл. 1966). Вместо описи к коллекции приложен «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шахи-Зинда. Снимки исполнены художником С.М. Дудиным в течение лета 1905 г. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1906 г.».

Собирательская и исследовательская работа С.М. Дудина тесно переплеталась с его занятиями художественным творчеством. Архивные материалы показали, что С.М. Дудин, выдержав экзамены, поступил в Академию художеств. В 1897 г. он окончил курс по мастерской И.Е. Репина. В.В. Радлов восторгался поступком С.М. Дудина, когда он, уже имея возможность закончить свое обучение и получить диплом, добровольно решил остаться в классе И.Е. Репина еще на год. Высокого мнения об успехах С.М. Дудина был и его учитель. В выданных документах было указано, что «бывший ученик Высшего Художественного училища при Академии Художеств Самуил Дудин за отличные познания в живописи и научных предметах <...> во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища, удостоен звания художника» [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. № 164. Л. 347].

В качестве дипломной работы С.М. Дудин представил картину «В храме Таниты», состоявшую долгое время в коллекции музея Академии художеств. Среди описаний композиций картин, принадлежавших этому музею, содержатся и сведения о дипломной работе С.М. Дудина [ИАХ 1915: 79]. Полотно хранилось в отделе живописи, а затем было выдано без указания даты и места. Установить его дальнейшую судьбу не удалось.

В числе картин, находившихся в музее Академии художеств и переданных в другие музеи, была еще одна работа С.М. Дудина «Перед купанием». Согласно документам, сохранившимся в музее Академии художеств, она была отправлена в Елисаветградский художественный музей при Обществе распространения грамотности и ремесел в 1914 г. Из Краеведческого музея Кировограда сообщили, что у них отсутствуют художественные произведения С.М. Дудина, поэтому дальнейшую судьбу этой картины можно лишь предположить. В том случае, если картина уцелела во время Гражданской войны, она могла попасть в созданный Дворец науки и искусства, а после образования в 1929 г. Краеведческого музея с картинной галереей — в ее коллекцию. В период оккупации в Великую Отечественную войну картинная галерея была полностью разграблена. Возможно, в это время была утрачена и картина С.М. Дудина «Перед купанием».

В январе 1898 г. С.М. Дудина направили «пенсионером Академии художеств» (за казенный счет) на стажировку за границу сроком на один год. Большую часть командировки он провел во Франции. В письме И.Е. Репину из Парижа звучит его неудовлетворенность поездкой. С.М. Дудину не удалось закончить картину или хороший этюд, он несколько раз принимался за работу и уничтожал начатое. Не помогла и поездка в Бретань, отдых у моря [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. № 164. Л. 347]. Но по мнению самого С.М. Дудина поездка не пропала для него даром. Он посетил художественные музеи Берлина, Дрездена, Мюнхена, Вены, Парижа. Впечатлениями об этом он делился в письмах, адресованных И.Е. Репину. Основное внимание Дудина привлекали новейшие направления в живописи, он старался осмотреть частные выставки, где чаще всего можно было встретить работы современных мастеров. Однако они разочаровали художника, и он сообщал о том, что с удовольствием побывал на русской выставке, организованной С. Дягилевым [Там же. Л. 26–27, 30–30об.].

В письмах С.М. Дудин сообщал И.Е. Репину о своих дальнейших планах: подробнее ознакомиться с Лувром, побывать в Италии. Вместе с тем чувство одиночества на чужбине не покидало Самуила Мартыновича. «Работать за границей

не лучше, чем в России, — писал он, — а для знакомства с художественными ценностями Парижа достаточно и двух месяцев, а потом поехал бы на Восток, куда меня всегда тянуло. Писал бы там этюды и, почем знать, может быть, овладел бы настроением восточного пейзажа и типов, и тогда мои упражнения из исчезнувшей жизни Востока не были бы натюрмортами по Перро» [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. № 164. Л. 32–33].

Идеей создания картины по восточным мотивам проникнуты и письма к В.В. Радлову, написанные Дудиным в это же время: «Начал небольшую картину из трех женских фигур. Она должна будет представлять уголок комнаты на женской половине финикийского дома. Две женщины слушают песню невольницы» [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5об.]. Этот замысел заставил С.М. Дудина обратиться к В.В. Радлову с просьбой порекомендовать ему специалистов по древнему Востоку в Париже, а также литературу по истории культуры Ассирии и Финикии: «Тех ничтожных знаний, какими владею я, слишком мало, а коллекции Лувра во многом для меня все-таки немые, для того, чтобы писать что-нибудь солидное» [Там же. Л. 6об.].

Возможно, в это время у художника складывался замысел картины «Из жизни старого Востока», которая прежде хранилась в музее Академии художеств, а в 1918 г. была передана в Нижегородский художественный музей. Этот музей был создан в 1896 г. и к 1909 г. состоял из трех отделов: исторического, в котором хранилось главным образом оружие, нумизматического и церковного, являвшегося главным. Центральными экспонатами последнего отдела были картины на библейские темы. Можно предположить, что работа С.М. Дудина «Из жизни старого Востока» была написана на библейский сюжет или близкий ему и потому тематически соответствовала требованиям Нижегородского музея. Из письма, полученного в ответ на наш запрос о судьбе этого полотна С.М. Дудина, следует, что в настоящее время картина «Из жизни старого Востока» в Нижегородском государственном художественном музее отсутствует.

По воспоминаниям Т.В. Станюкович среди других живописных работ С.М. Дудина были панно, которые оживляли экспозицию МАЭ в 1920-е гг., например, его картина «Перекочевка киргиз». К сожалению, эти работы также бесследно исчезли.

Несмотря на то, что за границу С.М. Дудин поехал как художник, предметом его интереса была постановка музейного дела, оформление экспозиций. Переезжая из одного города в другой, С.М. Дудин посещал музеи, и впечатления, предложения об организации музейных выставок в России он высказывал в письмах В.В. Радлову. Так, по пути в Париж он останавливался

в Вене и Мюнхене, где посетил ряд музеев и художественных выставок [АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 7—8об.]. «Я успел побывать в Амстердаме. Посмотрел тамошний музей и выставку Рембрандта и видел очень недурную выставку национальных костюмов Голландии и ее колоний <...> в немногих залах с пустыми стенами она производила несколько неприятное впечатление чего-то казенного и скупого, но она с избытком искупалась тем интересом, какой она вызвала, костюмы собраны превосходно, а манекены, на которые они надеты, в большей части случаев прекрасно исполнены. Я думал, глядя на них, что хорошо бы костюмы Вашего музея выставить подобным же образом, какую массу публики привлек бы тогда музей!» [Там же. Л. 5—5об.]. Позже, в 1907 г., когда художник уже работал в МАЭ, он был специально командирован за границу для работы в этнографических музеях [РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Ед. хр. 124. Л. 3].

По возвращении Дудина в Россию перед ним могла быть открыта дорога к работе живописца. Однако он стремился туда, где мог окунуться в мир восточной культуры, его манила Азия. С конца XIX — начала XX в. МАЭ формирует плановые экспедиции. Одной из первых стала научная поездка С.М. Дудина в мае-июне 1899 г. к казахам Семипалатинской области. Она была организована Академией наук и Этнографическим бюро В.Н. Тенишева [Пекарский 1930: 347]. Собранные материалы планировалось показать европейской общественности в русском павильоне Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Эта экспедиция вошла в историю музея как одна из крупнейших и наиболее плодотворных. В отчетах о деятельности Академии наук она отмечена в одном ряду с такими значительными экспедициями тех лет, как С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, А.Н. Самойловича в Хиву, В.В. Бартольда (совместно с С.М. Дудиным) в Среднюю Азию.

После экспедиции 1899 г. С.М. Дудин передал в МАЭ обширную коллекцию фотографий (около 500) из кочевого быта казахов Семипалатинской области (МАЭ. Колл. 1199). В состав коллекции, судя по описи собирателя, входят также фотокадры, которые он привез из поездки 1892 г. от казахов Семиреченской области, но при тщательном изучении снимков выделить их не удалось. По результатам экспедицию С.М. Дудина 1899 г. можно назвать комплексной — здесь и старинные предметы быта казахов, и фотографии, и рисунки. Обратиться к более подробному рассмотрению этой коллекции С.М. Дудина помог случай. В конце 1980-х гг. МАЭ посетил д-р Фоссен, сотрудник Этнографического музея Гамбурга, который предлагал создать совместный немецко-советский проект по изучению фотоматериалов 1899 г. С.М. Дудина. В ходе переговоров

выяснилось, что в музее Гамбурга хранится коллекция 495 стеклянных негативов С.М. Дудина 1899 г. по казахам. До настоящего времени не сохранились документы о том, каким образом после экспонирования этой коллекции в Русском павильоне Всемирной выставки 1900 г. в Париже она оказалась в Германии, в музее Гамбурга [Pavaloi 2007: 137].

В декабре 1991 г. заведующий отделом Средней Азии и Казахстана МАЭ В.П. Курьлев привез из Гамбурга три альбома ксерокопий, сделанных со стеклянных негативов немецкой коллекции С.М. Дудина. При сопоставлении этих альбомов с описью и коллекцией фотографий из собраний МАЭ удалось определить, что в немецкой коллекции отсутствуют пояснительные комментарии собирателя, она содержит иную аннотацию, что значительно снижает ее источниковедческую ценность. Поэтому в работе по совместному проекту были заинтересованы обе стороны: в МАЭ хранились фотографии коллекции с аннотациями собирателя, в Этнографическом музее Гамбурга — негативы.

Сравнивать изображения трех альбомов ксерокопий с фотографиями МАЭ до появления компьютерных технологий оказалось делом нелегким. Работу затруднял значительный объем коллекции и наличие разных коллекционных шифров в МАЭ и музее Гамбурга. Однако все же удалось определить совпадение части снимков немецкой коллекции и внести уточняющие комментарии собирателя. К сожалению, на этом этапе немецко-советское сотрудничество по исследованию научного наследия С.М. Дудина закончилось. Тем не менее для МАЭ этот опыт более пристального изучения одной из многих иллюстративных коллекций был полезен. Он помог определить, что в музее хранятся не только фотографии, но и часть негативов, хотя в музейных документах указано лишь наличие отпечатков. Дальнейшая работа по выяснению соответствия между отпечатками и негативами коллекции С.М. Дудина в МАЭ затрудняется технической причиной: неизвестно почему в рамках одной коллекции проставлена разная нумерация (ил. 3).

Проводя многие годы в экспедициях, занимаясь комплектованием коллекций для музеев, С.М. Дудин стал опытным собирателем. С одинаковым вниманием и интересом он собирал предметы культуры и быта, фотографировал жизнь казахов (МАЭ. Колл. 2413). Для своего времени фотоколлекция С.М. Дудина по казахам была наиболее полной. По разнообразию тематики и количеству снимков ее вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта. С годами научное значение этих материалов лишь возрастает.

Валерия Прищепова. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)

Ил. 3. Сырмак, узорчатый войлочный ковер. Фотография. Казахи. С.М. Дудин. 1899 г., Казахстан, Семипалатинская обл. МАЭ РАН. Колл. 1199-223

Для того чтобы можно было полнее оценить научное значение экспедиции С.М. Дудина в Казахстан в 1899 г., необходимо вспомнить о том, что незадолго до нее В.В. Радлов составил «Инструкцию для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства» (северные районы современного Казахстана) [Радлов

1898]. В ней в схематичной форме содержалось описание жизни и быта киргизов, как тогда называли казахов, а также обращалось внимание собирателей коллекций на наиболее интересные и важные аспекты изучения этой культуры. В.В. Радлов подчеркивал необходимость приобретения и сохранения редких, исчезающих предметов.

Придерживался методики сбора коллекций В.В. Радлова и С.М. Дудин, например, при изучении кочевого жилища. «Для полного понимания юрточного остова следует иметь фотографии и модели деревянных остовов юрт различной величины и устройства, фотографии, показывающие способ составления этих остовов, и коллекцию фотографий отдельных частей, особенно дверей и палок крыши, так как они часто покрыты резьбой различных рисунков» [Радлов 1898: 3]. Во время работы в Казахстане в 1899 г. С.М. Дудин сделал множество фотографий по этой теме: юрта, ее сборка, обкладывание войлоками, внутренний вид с баканом на переднем плане, отдельно сняты детали переносного жилища, чангарак и кереге, деревянная и узорчатая двери, предметы убранства, резные кровати и кебеже, уход за кошмами, их просушка, скатывание, изготовление и покупка частей юрты на Куяндинской ярмарке. Многие вещи для музеев собиратель приобретал на базарах, в том числе на знаменитой Куяндинской ярмарке.

Во время поездки 1899 г. С.М. Дудин сфотографировал самую важную для степи Куяндинскую (или Ботовскую) ярмарку. В течение месяца, с 25 мая по 25 июня с 1848 по 1930 гг. в долине небольшой речки Талды кипел торг, на который съезжались жители и купцы Казахстана, Сибири, Урала, Средней Азии и Китая. Здесь же проходили соревнования борцов, циркачей, акынов, конные забеги [Попов, Рязанцев 2008: 46–47].

Так же основательно С.М. Дудин собирал изобразительный материал по другим разделам кочевого образа жизни: одежда (несколько вариантов мужской; женской — девичьей, молодухи, замужней, вдовы; состоятельных и бедных казахов), занятия (скотоводство, земледелие, орудия труда, охота), ремесла (кузнечное, ювелирное, сапожное, столярное, ткачество), утварь и др. Жизнь скотоводов оживает в бытовых сценках, пейзажах, портретах. С.М. Дудин в 1899 г. зафиксировал убранство юрты, зимовки, кочевья, музыкальные инструменты, способы приготовления пищи и т.п. (ил. 4).

Из головных уборов замужних казашек Семипалатинской области, С.М. Дудин сфотографировал два варианта *кимешека*: один, сшитый из нескольких деталей без тюрбана, украшенный по линии лица вышитой каймой (МАЭ. Колл. 1199-109, 186); второй поверх теплого стеганого халата прикрывает

Валерия Прищепова. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)

Ил. 4. Штаны «шалбур» вышитые. Фотография. Казахи. С.М. Дудин. 1899 г., Казахстан. МАЭ РАН. Колл. 1199-280

плечи, грудь, спину, на него накручен тюрбан из ткани белого цвета (МАЭ. Колл. 1199-187).

С.М. Дудин обращал внимание на девичьи и подростковые прически. Для сравнения он в разных ракурсах снял две разные прически. Прическа девочки представляла собой длинную челку, пряди волос на макушке модели зачесаны вверх, чтобы была видна остальная часть бритой головы девочки (МАЭ.

Колл. 1199-191, 192). По сообщению Ф.А. Фиельструпа, изучавшего в 1927 г. обрядовую жизнь киргизов, детей младшего возраста стригли полностью или частично. В последнем случае оставляли *кокуль* (чуб, хохол), пряди на висках и челку, девочкам остригали волосы только до трех лет, а потом оставляли их расти. Исследователю удалось зафиксировать прическу девочки с двумя косичками, заплетенными из пучка волос на темени [Фиельstrup 2002: 78–80]. По достижении детьми 5–7-летнего возраста девочкам начинали отращивать волосы на затылке, но на висках и темени продолжали выстригать [Попова, Старостина 2007: 178]. На снимке С.М. Дудина девушка показана с челкой, короткими височными прядями, с косой на макушке и еще пятью, заплетенными низко у шеи, — девичьей прической, наиболее типичной для этого региона (МАЭ. Колл. 1199-183, 184).

После окончания Академии художеств С.М. Дудин, освоив фотододело, достиг в этом больших успехов и стал известным фотографом. В конце XIX в. фотография была новым методом экспедиционной и музейной работы. Для МАЭ фотоколлекции становились новыми собраниями. С.М. Дудин написал специальные статьи, посвященные методике этнографической фотографии, роли фотографии в этнографической работе, которые сохранили свою актуальность и сегодня [Дудин 1921; 1924].

Мастер и знаток фотографии своего времени, С.М. Дудин хорошо знал сильные и слабые стороны фототворчества и считал, что умение грамотно фотографировать не самое главное, гораздо важнее рассказать снимками о том, что видишь. Даже при выполнении постановочных сцен прежде всего необходимо изучить модель, понять ее характер, предложить ей принять правдивую позу и только после этого делать фотоснимок [Дудин 1921: 49]. С.М. Дудин фотографировал предметы домашней обстановки и орудия труда на их привычных местах хранения и во время использования их в быту. Он утверждал, что фотофиксацию экспедиционных материалов необходимо выполнять «по строго обдуманной и подробно составленной программе», чтобы работа не носила случайного характера [Дмитриев 2006: 102]. Именно этим требованиям собирателя соответствует его фотоколлекция по быту и культуре казахов 1899 г. из собрания МАЭ.

При работе со старыми историческими снимками, которые отличают высокое качество, художественное достоинство и уникальная научная значимость, невольно забываешь о громадных трудностях, которые приходилось преодолевать экспедиционным фотографам. В поездки фотограф отправлялся

с громоздкой и тяжелой аппаратурой, с ящиками хрупких стеклянных негативов. С.Ф. Ольденбург на протяжении двух длительных и сложных западнокитайских экспедиций 1909—1910 и 1914—1915 гг. наблюдал научную полевую работу С.М. Дудина в столь трудных для фотографа условиях, «что с ними не справился бы менее опытный» [Ольденбург 1930: 355]. По характеристике С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудин был хорошим, самостоятельным техником, понимающим условия научной съемки специалистом. Его считали фотографом-ученым, потому что перед экспедицией он собирал сведения об условиях фотосъемки в данной местности, ознакомился с фотоматериалами по данному памятнику, предварительно выяснял, какие снимки он должен выполнить.

С.М. Дудин, основоположник научного этнографического фотографирования в России (более четверти века проработавший как собиратель, этнограф, археолог, музейный работник, хорошо знакомый с иллюстративным фондом музея, а главным образом как экспедиционный фотограф), считал одной из причин поступления в МАЭ фотоколлекций низкого качества отсутствие специальной литературы по исполнению фоторабот для научных исследований. Вторым необходимым условием успешной работы по сбору качественных фотоматериалов С.М. Дудин называл необходимость предварительного знакомства с географическими и этнографическими данными района, в котором предстояло работать.

Определенный вид съемки (портрет, пейзаж или сцены этнографического содержания), а также размер фотографий диктовали различные требования к фототехнике. С.М. Дудин отмечал, что технически наиболее сложно фотографировать потолки и пол. Чуть проще делать снимки антропологических типов: основное условие заключается в правильной постановке головы модели, чтобы на обеих фотографиях фаса и профиля «корень носа модели и отверстия ушей располагались на одной горизонтальной плоскости» [Дудин 1921: 50]. При выполнении пейзажных снимков необходимо выбрать не картинность вида, а типичность, с характерной растительностью и состоянием почвы.

Достаточно трудным С.М. Дудин считал фотографирование различных сцен в экспедиционных условиях: «Чтобы добиться от действующих лиц сцены правды движений, не нужно торопиться со съемкой, и спустить затвор только тогда, когда участники сцены будут вести свою работу, уже не обращая внимания на аппарат. Для этого выгодно бывает их обмануть, сказав, что съемка уже сделана» [Дудин 1921: 51]. Такого рода обману он придавал особое значение, подчеркивал необходимость

этого в своих лекциях о фотографировании в этнографических поездках, которые читал на географическом факультете Петербургского университета как специальную научную дисциплину.

Во время командировок С.М. Дудина в Среднюю Азию по сбору этнографического материала иногда случалось, что для завершения съемок «типов и живых сцен» отсутствовала необходимая фотоаппаратура. Тогда приходилось ожидать прибытия новой техники вместе со стеклянными пластинками, как это произошло в июне 1900 г. Это заставляло С.М. Дудина задерживаться на одном месте в ожидании посылок и мешало в осуществлении программы закупок коллекций [АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245].

Из письма собирателя становятся очевидны трудности проведения фотосъемок в экспедиционных условиях. Необходимо было на месте проявлять стеклянные негативы и печатать с них фотографии, на это уходило значительное время. Кроме того, фотографирование, например, среди мусульманского населения, было связано с преодолением запретов Корана на изображение человека. В 1900 г. в письме из Самарканда С.М. Дудин отмечал: «Фотографирование типов и костюмов встречает некоторое затруднение <...> я должен просить о позволении фотографировать каждого субъекта» [АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 245. Л. 74].

Фотография не сразу получила широкое признание в научной среде. В годы ее становления многие художники выступали ее активными противниками, стремясь защитить себя от конкуренции [Руйе 1993: 6]. А между тем в отличие от рисунка или литературного описания фотография была строгим документальным свидетельством. Если камера фотографа фиксирует с одинаковой точностью все, что попадает в кадр, художник в своих произведениях обращает внимание на то, что в первую очередь заинтересовало его в выбранном сюжете. В 1920-е гг. С.М. Дудин писал об этом: «Материал, доставленный фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастности и точного протокола» [Дудин 1921: 31].

В коллекции фотографий С.М. Дудина из степного быта казахов некоторые кадры выполнены собирателем в двух, а в других случаях в трех экземплярах. По всей видимости, С.М. Дудин был не только основоположником научного этнографического фотографирования в России, но и экспериментатором в своей области. Он печатал отдельные снимки на разных носителях, сравнивал их, выясняя преимущество и недостатки полученных изображений. Более ранние фотографии

выполнены в коричневом цвете, другие, более поздние — черно-белые. В коллекции С.М. Дудина встречаются также снимки, раскрашенные от руки, когда он считал важным передать цвета, чего не позволяли монохромные фотографии. В этом смысле его работы стали предшественниками сложнейших технологий цветной печати наших дней. В конце XIX — XX в. особый вид раскрашенной фотографии считался наиболее популярным. Цвет в изображения чаще всего вводили фрагментарно — полностью, как на снимках С.М. Дудина, реже.

Существенные дополнения к части фотографий С.М. Дудина, которые он выполнил во время экспедиций по Казахстану, были сделаны спустя сто лет, случайно, во время выставки «Казахи в Петербурге» из коллекций МАЭ и РЭМ, проходившей в Алма-Ате в сентябре-октябре 1992 г. в Музее изобразительных искусств им. А. Кастеева; в те же дни проходил Всемирный Курултай казахов. Впервые в качестве экспонатов были представлены фотографии коллекции С.М. Дудина и К.В. Щенникова. В наши дни исторические фотографии сохранили для науки не только образы исчезнувших памятников материальной культуры, но и лица людей. На некоторых снимках посетители выставки узнали своих родных. Семья Чермановых приходила на выставку несколько раз, люди приводили с собой родственников и приносили фотографии из домашнего альбома. Из музейных витрин на них смотрели лица их близких, такие знакомые по семейным карточкам. Растроганные потомки вместе с взволнованными смотрительницами музея сличали портреты. Чермановы наперебой рассказывали историю своего известного рода, который они ведут от Исы Чорманова, племянника Муссы Чорманова. Они показывали тетрадь со своей родословной, перечисляли родных, которых узнали на фотографиях С.М. Дудина, дополняли имеющуюся информацию рассказами о них. Наиболее известен из этой семьи Мусса Чорманов, полковник царской службы, который занимался исследованиями в области казахской этнографии. В последние годы в Казахстане о нем стали появляться публикации. Во время своей экспедиции 1899 г. С.М. Дудин посетил и сфотографировал семью брата Муссы Чорманова, Исы, который был богатым скотовладельцем. На наш взгляд, внимания заслуживает вся семья Чормановых. В настоящее время историей этой семьи в Казахстане стали интересоваться журналисты, экономисты, историки, рассказывающие о ней в радиопередачах, Интернете, периодической печати и т.д. [Билялов, Черманова 2002].

Опись коллекции С.М. Дудина была составлена им самим и представляет собой краткие подписи к снимкам. Этих сведений оказалось недостаточно для характеристики многих

сюжетов фотографий. Например, снимки С.М. Дудина сопровождали такие комментарии: «Домашний костюм богатой замужней женщины», «Богатая казачка с детьми», «Свадебная сценка», «Семья богатого казаха» и т.п. При сопоставлении снимков из семейного архива Чермановых с рядом фотографий из коллекции С.М. Дудина можно определить, что на одном из музейных изображений мы видим Магиду Чорманову, урожденную Аблаеву, жену Зинды Чорманова и племянницу Чокана Валиханова (МАЭ. Колл. 1199-111, 292). Ее мать Бадыгул Чингизовна Валиханова вышла замуж за Аблаева (Абылай или Абышек). На других снимках, как оказалось, изображена панорама Баян-аула, вотчины Чормановых, которую посетил С.М. Дудин, а также зимовка Чормановых.

Как объясняли Чермановы, на одной из старинных фотографий С.М. Дудина, технически прекрасно выполненных и сохранившихся, в большой богатой юрте слева сидит Иса Чорманов, брат Мусы, в центре — его жена Жакай и их сын средних лет Зинда. Здесь же маленькие дети Зинды — дочь Бапык, сыновья Рахымтай и Ахуан (МАЭ. Колл. 119-108). У Магиды и Зинды Чормановых было шесть сыновей и две дочери. Все дети со снимка С.М. Дудина прожили долгую жизнь. Во время работы выставки в Алма-Ате в 1992 г. Чермановы показали фотографию, сделанную в наши дни, на которой за столом сидят те, кто мальчиками позировали русскому путешественнику, но уже в возрасте аксакалов.

На одной из семейных фотографий современных Чермановых изображены эти же люди: Зинда Чорманов с женой Магидой, матерью Жакай и детьми. Про бабушку Жакай ее правнуки рассказывали, что она происходила из семьи богатого скотовладельца и прожила 99 лет. Они же сообщили о привычке Жакай прятать левую руку, как и на фотографии из коллекции С.М. Дудина, т.к. у нее было шесть пальцев. Иса Чорманов занимался разведением скота. Дважды он ходил в Мекку. В семье Чормановых хранится фотография, на которой сидит белобородый старик Иса, а рядом стоят его сын Зинда и внук Рахимтай. Этот снимок сделан, по всей видимости, в начале XX в., перед его последней поездкой в Мекку; на обратном пути он умер и был похоронен в порту Джидда в Саудовской Аравии. О происхождении рода Чормановых писал Ч. Валиханов [Валиханов 1985: 308]. Сын Исы Чорманова, Зинда, который фигурирует на снимках С.М. Дудина, продолжал дело отца и был также крупным скотовладельцем. Вместе с сыном Каримом, который бывал в столице, он поставлял коней в Петербург, к царскому двору.

Таким образом, в идентификации многих наших музейных фотографий помогли редчайший случай и уникальные документы —

снимки из семейных архивов и рассказы истории рода Чормановых. Надо отметить, что в советские годы потомки Чормановых, как и многие другие представители знатных семей, были вынуждены изменить написание своей фамилии с Чормановых на Чермановых, чтобы не напоминать о своем байском происхождении (подробнее см.: [Прищепова, Черманова 1994]). В 1928 г. у Зинды Чорманова по постановлению Павлодарской окружной комиссии по конфискации хозяйств баев изъяли имущество и сослали его с семьей в Актюбинск [КСХК 1967: 189–190]. В 1933 г. от голода умерла его жена Магида, в 1935 г. в Омской области скончался сам Зинда.

Семья Чермановых познакомила нас с рядом фотокадров из домашнего архива, в том числе показала фотографию конца XIX — начала XX в., выполненную в Баян-ауле, в большой юрте Садвакаса Чорманова, старшего брата Муссы. Известный казахский этнограф изображен в кругу своей семьи: дочь, две жены и племянник Зинда с сыном Рапыком. Теперь стало очевидным, что, отправляясь в Казахстан, С.М. Дудин заранее знал, что в Баян-ауле Павлодарского уезда он встретится с Чормановыми, родственниками Валиханова. В 1895 г., работая в Самарканде под руководством профессора Н.И. Веселовского, который стал по предложению Г.Н. Потанина редактором посмертного сборника сочинений Ч. Валиханова и от Г.Н. Потанина получал для этого дополнительные материалы, С.М. Дудин узнал о деятельности казахского ученого, о его семье, ведущей широкую просветительскую деятельность. Можно предположить, что С.М. Дудин был знаком с дневниковыми записями 1865 г. этнографа А.К. Гейнса, который отмечал, что «при сборе данных о внутренней промышленности, торговле и быте при объезде области сибирских казахов наиболее исчерпывающие сведения дали в Кокчетавском округе Валиханов и Баян-аульском округе Мусса Чорманович Чорманов» [Гейнс 1897: 323].

Исходя из этого представляется не случайным обращение С.М. Дудина к родственникам Ч. Валиханова в 1899 г., когда велся сбор этнографических материалов для МАЭ. Во время поездки С.М. Дудину удалось собрать такие предметы, как резные деревянные шкафы, женские серебряные украшения, ныне исчезнувшие черпаки и кожаная посуда для кумыса, струнные музыкальные инструменты, предметы домашней утвари, кремневое ружье местной работы, старинная подпорка для верхнего круга юрты — *адал-бакан* — широкая доска с узорными краями, которую собиратель привез из летовья у гор Якши Нияз. Часть предметов происходит из г. Павлодар, например, мужской пояс *ксе* с охотничьим набором и старинные пальцы с образцом вышивки. На Куяндинской ярмарке Дудин

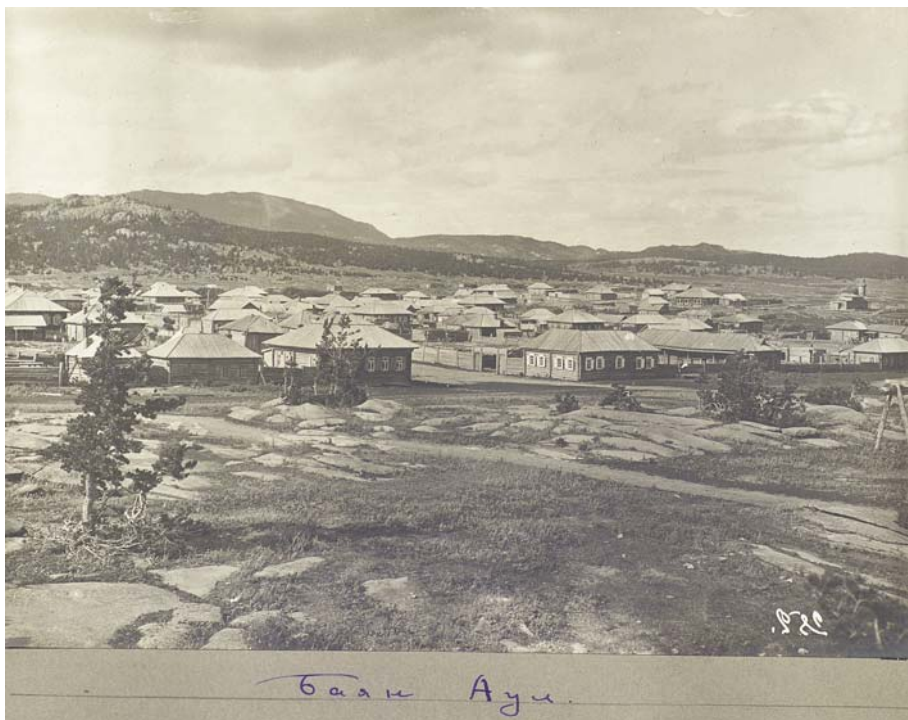
купил изделия ювелира — несколько колец и щипцы для выдергивания волос. Их носили женщины и мужчины среднего и пожилого возраста, прикалывая вместе с «гигиеническим набором» справа на груди к камзолу. От сына Муссы, Садвакаса Чорманова музей получил в дар веретено *уришук* для прядения тонких нитей, ложку *ожау* для кумыса, сделанную из единого куска дерева, и другую деревянную ложку, повторяющую форму русской. Из Баян-аула Павлодарского уезда Семипалатинской области, вотчины Чормановых, С.М. Дудин привез мужскую меховую шапку *тымак* и табакерку для нюхательного табака (МАЭ. Колл. 493).

В наши дни фотографии С.М. Дудина сохранили для науки не только образы исчезнувших памятников материальной культуры, но и лица людей.

В ходе подготовки к празднованию 300-летия первого российского государственного музея — Петровской Кунсткамеры, преемником которой стал МАЭ, музей приступил к реализации в сотрудничестве с другими научно-культурными учреждениями совместного проекта по изучению казахских материалов в творчестве С.М. Дудина [Резван 2010: 51–53]. В основе предполагаемого проекта лежат материалы экспедиции С.М. Дудина в Семипалатинскую область в 1899 г.: состоялась экспедиция, которая повторила маршрут С.М. Дудина, а также выставки.

В процессе работы над проектом с самого начала возникли проблемы, связанные с выяснением маршрута поездки С.М. Дудина. К сожалению, не сохранились его дневниковые записи или другие архивные документы, касающиеся экспедиции 1899 г. Даже для подтверждения факта ее организации при участии Этнографическим бюро В.Н. Тенишева отсутствуют архивные документы, об этом сообщал лишь Э.К. Пекарский [Пекарский 1930: 347]. Поэтому практически единственным источником для изучения этой значительной по своим результатам поездки остаются коллекционные фотографии С.М. Дудина. Сориентироваться в фотоколлекции 1899 г. помогли, конечно, встречи и рассказы в Алма-Ате потомков Чормановых. Однако этого было недостаточно: становилось понятно только, что основным местом нахождения С.М. Дудина во время поездки 1899 г. был Баян-аул, вотчина Чормановых, откуда он совершал выезды (ил. 5).

Большую помощь в определении маршрута экспедиции С.М. Дудина оказал Ю.Г. Попов, геолог, уроженец Казахстана. Во время разговора с ним об экспедиции С.М. Дудина 1899 г. выяснилось, что многие районы Семипалатинской области, которые запечатлел фотограф, Ю.Г. Попов извездил на

Ил. 5. Панорама поселка Баян-аул. Фотография. Казахи. С.М. Дудин. 1899 г., Казахстан, Павлодарская обл., Баянаульский район. МАЭ РАН. Колл. 1199-261

велосипеде. Кроме того, увлечением всей его жизни было краеведение. Ю.Г. Поповым опубликовано немало статей и книг по изучению казахстанского края, его фильмы на эту тему показывало Карагандинское телевидение. Поэтому фотографии С.М. Дудина вызвали у него большой интерес.

Эта фотоколлекция состоит почти из 500 снимков. Опись на нее составил сам собиратель в 1907 г. С.М. Дудин регистрировал фотографии не в хронологическом порядке, поэтому при разборе отпечатков приходилось отсортировать снимки, которые могли оказаться путевыми впечатлениями. Опыт работы с историческими источниками, подробное знание топографии Семипалатинской области и тщательное изучение коллекционных снимков С.М. Дудина подсказали Ю.Г. Попову выбрать несколько фотографий. Они и помогли в определении маршрута экспедиции. Например, на одной из них — «Пристань на Иртыше» — изображен берег реки Иртыш и дилижанс, на котором, возможно, продолжал путь исследователь. По мнению Ю.Г. Попова, в 1899 г. до Семипалатинска, снимок которого фотограф также включил в состав своей коллекции, С.М. Дудин мог добраться лишь одним способом: от Петербурга

до Омска железной дорогой, а затем водным путем по Иртышу. На наш взгляд, был возможен и несколько иной маршрут. Спустя несколько лет, в 1909 г. С.М. Дудин принимал участие в Турфанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга и составил опись коллекции негативов, сделанных в ходе этой поездки (МАЭ. Колл. 2114). До Чугучака они добирались из Семипалатинска. Из перечня названий основных станций стало очевидно, что маршрут начинался на Николаевском железнодорожном вокзале в Петербурге. В 1909 г. участники экспедиции проезжали реки Вятку и Каму у Перми, станцию Чусовую, станцию Бисер на Урале, а затем их путь лежал от пристани Урлютюб по Иртышу до самого Семипалатинска.

Тщательное изучение состава фотоколлекции С.М. Дудина 1899 г. позволило также определить, что вся она посвящена Семипалатинской области, несмотря на то, что в описи указано, в нее вошли также снимки по Семиреченской и Акмолинской областям (ил. 6, 7).

Как художник по профессии, С.М. Дудин особенно интересовался народным орнаментом. Работая многие годы в различных экспедициях с академиками В.В. Радловым, В.В. Бартольдом и С.Ф. Ольденбургом, профессором Н.И. Веселовским, а также в самостоятельных поездках, С.М. Дудин помимо прочих материалов собирал обширный комплекс данных по декоративному искусству местных народов. В 1905 г., будучи сотрудником МАЭ, он сделал в фотомастерской музея негативы орнаментов деревянных резных дверей, отснятых им во время поездок по Средней Азии (МАЭ. Колл. 2119). В 1910 г. С.М. Дудин выполнил отпечатки с негативов этой коллекции (МАЭ. Колл. 2827).

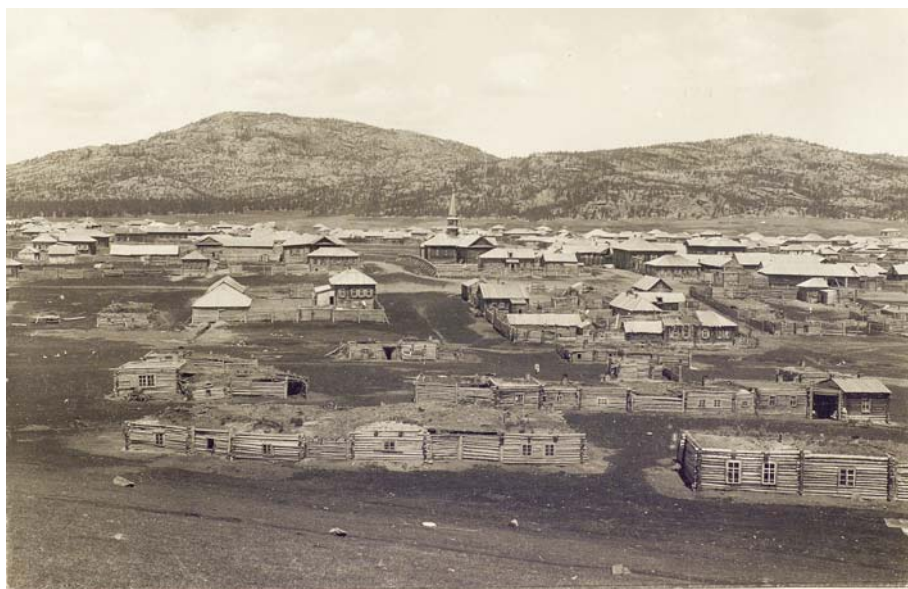
В 1907 г. С.М. Дудин передал в музей рисунки и чертежи (в количестве 14 штук, размером 32 x 23 и 20 x 15 см), которые выполнил во время командировки в Степной край (МАЭ. Колл. И-1446). Зарегистрирована эта коллекция была лишь в 1950-е гг. На листах плотного белого картона черной тушью, карандашом либо акварельными красками выполнены: планы и внутренний вид зимней усадьбы казахов; выкройки войлочных покрытий юрты, отдельных видов мужской и женской нижней и верхней одежды, сумки для хранения огнива и кресала; цветные зарисовки подпорок чангараков (простой и фигурной), орнамента на тростниковой циновке *чие*.

На протяжении нескольких поездок в экспедициях с 1893, а затем с 1899 по 1903 гг. по Семиреченской, Семипалатинской, Ферганской областям и Алайской долине С.М. Дудин собирал образцы казахского народного орнамента. Художник подготовил альбом, состоявший из 60 рисунков, тщательно

г. Каркаралинск.

Ил. 6. Панорама Каркаралинска. Фотография. Казахи. С.М. Дудин. 1899 г.,
Казахстан, Карагандинская обл., Каркаралинский район. МАЭ РАН.
Колл. 1199-253

г. Каркаралинск.

Ил. 7. Панорама Каркаралинска. Фотография. Казахи. С.М. Дудин. 1899 г.,
Казахстан, Карагандинская обл., Каркаралинский район. МАЭ РАН.
Колл. 1199-255

выполненных акварелью или гуашью на листах ватмана большого формата (в среднем 51 x 73 см) (Музей АХ. Отдел архитектуры. А-21646—А-21705). Это зарисовки резных и расписных украшений казахской мебели, копии вышивок, фрагменты ковров, войлоков (мешочков, футляров, чехлов), чеканки по металлу, тиснения по коже и т.п. «В целях ясности орнамента, как моей основной задачи, на своих рисунках я умышленно ослабил передачу материала и способов обработки, строго придерживаясь только точного рисунка и тонов. Масштаб же оставляю крупным по возможности, чтобы уменьшением его не исказить мелких деталей орнаментов», — так формулировал свою основную задачу при составлении альбома художник [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 164. Л. 427].

По замыслу С.М. Дудина, альбом орнамента должен был состоять примерно из 350 листов. Доминирующее место в нем отводилось традиционной и современной резьбе, чеканке, росписи, керамике и т.п., т.е. прикладному искусству туркмен, таджиков, узбеков и казахов. Все таблицы должны были сопровождаться пояснительными текстами. Планировалось также написать вступительные тексты к каждой части альбома: «У меня имеются орнаменты следующих народностей края: туркмен, киргиз, каракиргиз, сартов, узбеков. По технике и материалу они распадаются на группы» [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 164. Л. 427]. С.М. Дудин так классифицировал типы и виды орнаментов: изразцы расписные и рельефные, резьба по мрамору и гипсу, мозаика из цветного гипса, керамика традиционная и современная, резьба по дереву, тиснение по коже, стенная роспись, ковры, вышивка, чеканка и резьба по металлу. На каждой из иллюстраций должна была быть указана принадлежность народу, функциональность предмета и ареал его распространения. «Разнообразие форм и круга предметов, украшавшихся орнаментикой, здесь может быть даже больше, чем где бы то ни было, что, конечно, и не покажется удивительным, если принять во внимание разнообразие племен, населяющих этот край, и смену различных культур на пространстве времени в несколько столетий. Однако для собирания всех этих богатств еще почти ничего не сделано, т.к. работы Археологической Комиссии включили в свой круг только памятники зодчества тамерланской эпохи <...> Понимая всю важность собрания упомянутых материалов я в моих поездках, продолжавшихся за 7 лет около 35 месяцев, — писал С.М. Дудин в 1906 г., — и интересуясь орнаментикой вообще, я постарался заполнить, насколько это было в моих силах и позволяло время, этот пробел и исполнил ряд калек, набросков, заметок и фотографий» [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 164. Л. 41]. По возвращении из поездок С.М. Дудин приводил в порядок свои

Валерия Прищепова. К 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)

Ил. 8. Орнамент на «кебеже». Фотография с рисунка. Казахи.
 С.М. Дудин. Конец XIX – начало XX в. МАЭ РАН.
 Колл. 2450-17

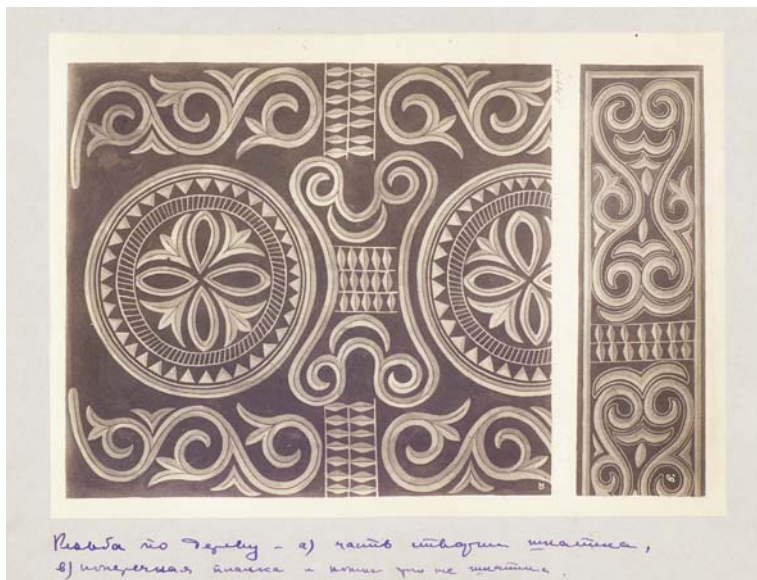
материалы, систематизировал их, но отсутствие свободного времени не позволяло ему вести эту работу постоянно: «Она ведется урывками и за 7 лет у меня выполнено только 57 таблиц, причем почти закончены только киргизы [имеются в виду современные казахи. — В.П.], остальное же еле-еле намечено» [РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 164. Л. 42] (ил. 8).

В начале XX в. С.М. Дудин предложил музею Академии художеств купить у него альбом акварельных рисунков казахского орнамента, образцы которого он собирал многие годы в экспедициях по Семипалатинской, Сырдарьинской областям и Алайской долине. В марте 1906 г. на заседании Совета Академии художеств С.М. Дудин представил альбом орнамента из 57 таблиц для решения вопроса о его приобретении. Совет проголосовал за выдачу художнику аванса в размере 600 рублей для окончания работ по составлению альбома. В апреле 1907 г. Советом было решено купить для библиотеки Академии художеств альбом из 60 таблиц и выдать С.М. Дудину 800 рублей. В настоящее время альбом орнамента хранится в Музее Академии художеств. Будучи штатным фотографом МАЭ, С.М. Дудин в 1915 г. переснял свои рисунки. Негативы и затем отпечатки с них с аннотациями собирателя были зарегистрированы в МАЭ как две самостоятельные коллекции (МАЭ. Колл. 2450, 2530) (ил. 9).

Работу С.М. Дудина по составлению альбома казахского орнамента высоко оценили современники. Красочные рисунки, сделанные им, приобретают со временем все большую научную ценность, служат одним из главных документальных ис-

Ил. 9. Вышивка «баштык». Фотография с рисунка. Казахи. С.М. Дудин. Конец XIX – начало XX в., Казахстан. МАЭ РАН. Колл. 2450-43

Ил. 10. Резьба по дереву. Фотография с рисунка. Казахи. С.М. Дудин. Конец XIX — начало XX в. Казахстан. МАЭ РАН. Колл. 2450-52

точников по изучению и сохранению прикладного искусства Казахстана (ил. 10).

После составления альбома казахского народного орнамента С.М. Дудин продолжал собирать его образцы также среди оседлого населения. В 1913 г. он передал музею две коллекции рисунков резьбы по дереву на дверях дворцов и мечетей Коканда, Андижана и Самарканда, сделанные им в 1894 г. во время пребывания в Средней Азии в виде негативов и фотографий (МАЭ. Колл. 2124, 2828). Тогда же, в 1913 г. С.М. Дудин подарил музею негативы образцов рисунков узбекских, туркменских и афганских ковров (МАЭ. Колл. 2123). Затем с негативов художник выполнил и коллекцию фотографий (МАЭ. Колл. 2832).

В июне 1909 г. была организована первая русская экспедиция под руководством академика С.Ф. Ольденбурга, снаряженная «по Высочайшему повелению и состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством» Русским Комитетом по изучению Средней и Восточной Азии. Она отправилась из Петербурга в область, сопредельную со Средней Азией, — в так называемый Китайский, или Восточный Туркестан. Это был район погибшей, а некогда цветущей культуры. Разведочный характер первой экспедиции объяснялся отсутствием планомерного изучения Восточного Туркестана и научных трудов на эту тему. Начальник экспедиции отмечал,

что для успешного ведения дела «прежде всего нужна наличность технически и специально научно-подготовленных людей» [Ольденбург 1914: 5]. Недостаточное знакомство ученых-специалистов с процессом фотографирования часто было причиной того, что в штат научных экспедиций приглашали фотографа, который являлся профессионалом в своей области, но не был подготовлен к интересам экспедиции. Кроме того, для непривычного человека было большой нагрузкой везти с собой значительный фотобагаж. В результате от такого фотографа вынуждены были отказаться.

В экспедиции С.Ф. Ольденбурга находился С.М. Дудин, который соответствовал всем требованиям этой научной поездки. Ему поручили работу по художественной части и фотографированию. В поездке также участвовал горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов, который должен был заниматься съемкой и составлением планов. Наблюдать за раскопками должен был археолог Владимир Иванович Каменский, которому в помощь пригласили работавшего в Керченском музее Самсона Петровича Петренко. Дорога в Китайский Туркестан была длительной, утомительной и опасной. Из Петербурга выехали 6 июня 1909 г. и до Омска добирались по железной дороге, далее до Семипалатинска — пароходом. В Семипалатинске экспедиция получила заранее отправленные посылки со снаряжением и выехала в Чугучак на тарантасах, куда прибыла 22 июня. Здесь С.Ф. Ольденбург закупил лошадей и нанял переводчика. Из Чугучака ехали верхом и в тарантасе, багаж везли на телегах. Во время пути от Чугучака к Урумчи В.И. Каменский и С.П. Петренко заболели и из Урумчи вернулись в Россию. Путь от Чугучака до Кашгара преодолели благополучно, т.к. он был хорошо известен по описаниям многочисленных путешественников. В поездке участникам экспедиции оказывали поддержку российские консулы: в Урумчи — Н.Н. Кротков, в Кашгаре — С.В. Соков. Несмотря на экспедиционные трудности (во время поездки С.М. Дудин заболел лихорадкой), С.Ф. Ольденбург телеграфировал обеспокоенному В.В. Радлову: «Все отлично» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 80, 107]. С.М. Дудин также сообщал в МАЭ об успешных работах среди развалин храмов, ворот и пещер IX в., богатых остатками скульптуры.

Работа С.М. Дудина в экспедиции заключалась в выполнении рисунков-эскизов около 150 зданий и пещер IX в., калек и фотографий с фрагментов скульптур и фресок в развалинах Шикшина [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 128]. В 1910 г. С.М. Дудин передал в музей огромную коллекцию стереонегативов (более 600). В ее состав входят виды степей, гор, зимовок казахов, которые встречались на пути от Петербурга до Турфана

(МАЭ. Колл. 2181) [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 157]. От руководителя экспедиции С.Ф. Ольденбурга музей получил в дар коллекцию фотографий (МАЭ. Колл. 2561). В 1913 г. в музей поступили негативы, выполненные в Турфанской экспедиции Н.М. Березовского (МАЭ. Колл. 2062). Позже эту коллекцию передали в Эрмитаж. В письме из Восточного Туркестана С.М. Дудин сообщал: «Для Музея сделал несколько снимков по пути из киргизского быта» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 105]. Коллекцию негативов путевых снимков из жизни казахов по дороге из Семипалатинска до Чугучака С.М. Дудин тоже передал в музей (МАЭ. Колл. 2114). По результатам изучения памятников буддийской живописи и скульптуры С.М. Дудин написал обстоятельную статью [Дудин 1917].

В 1914–1915 гг. состоялась еще одна экспедиция, возглавляемая С.Ф. Ольденбургом, в Восточный Туркестан и Западный Китай (провинция Ганьсу, урочище Чанфудун), в которой также участвовал С.М. Дудин. Из Чугучака он писал в МАЭ Л.Я. Штернбергу: «Еще из Семипалатинска я хотел написать Вам о коллекции братьев Белослюдовых [возможно, в письме речь шла о семье собирателей, упоминание которой встречается в музейных документах коллекции казахских вышитых полотенец (МАЭ. Колл. 3092). — *В.П.*], археологической и этнографической. Главным образом, каменных, бронзовых и железных вещей» [АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 105]. В настоящее время эта коллекция насчитывает несколько сотен негативов с путевыми впечатлениями из жизни казахов, сартов, китайцев (МАЭ. Колл. 2491).

Во время экспедиций 1909–1915 гг. С.М. Дудин выполнил около 2000 негативов по архитектуре, скульптуре и стенописи древних буддийских монастырей и храмов, несколько десятков квадратных метров прописей и калек. На этих материалах он опубликовал статью об архитектурных памятниках Китайского Туркестана [Дудин 1916].

В 1914 г. С.М. Дудин подарил музею негативы по сартам, казахам и татарам Семиреченской, Сырдарьинской областей и Южного Урала, которые были выполнены во время его экспедиций в 1892 и 1899 гг. (МАЭ. Колл. 2189). В 1918 г. С.М. Дудин передал музею коллекцию стереонегативов, которые он выполнил среди оседлого населения в Самарканде ранее, во время поездки до 1917 г. (МАЭ. Колл. 2696). Стереокадры представляли собой два одинаковых изображения, расположенных рядом по горизонтали. Рассматривали их через специальное приспособление в виде очков, которое создавало эффект одного объемного изображения. Поступление в МАЭ

стереоскопических коллекций отражало определенный этап развития отечественной фотографии. Однако коллекция С.М. Дудина была зарегистрирована лишь в 1950 г., поэтому многие стереокадры оказались непонятны и в аннотациях регистратор поставил знаки вопроса. В эту коллекцию С.М. Дудина входят снимки бытовых сцен, уличных типов, мастерских ремесленников, торговых рядов, посетителей чайханы, дервишей на базаре, музыкантов, сюжетов, связанных с религиозными обрядами и т.п.

В 1930-е гг. С.М. Дудин выполнил для МАЭ отпечатки (более 100) с фотоколлекций, сделанных им в конце XIX — начале XX в. во время поездок по Средней Азии среди узбеков, таджиков, киргизов, туркмен, цыган (МАЭ. Колл. 4516. Отпечатки с коллекций РЭМ: 40—48, 50, 52, 53, 248), а также евреев Самарканда (МАЭ. Колл. И-582) и хранящихся в Российском этнографическом музее. На них запечатлены бытовые сценки, окружающий пейзаж, архитектурные памятники, традиционное жилище и др.

Много лет С.М. Дудин сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея (ныне — РЭМ), особенно в первые годы его существования, участвовал в создании его коллекционных фондов. По заданию Русского музея в течение ряда лет он совершил поездки во многие города и области Туркестанского края и собрал множество ценных этнографических вещей: старинную одежду, оружие, ковры, посуду и другие предметы домашнего обихода. Он также приобрел разнообразную и богатую в художественном отношении коллекцию орнаментов из алебаstra. С.М. Дудин стал для Русского музея первым собирателем этнографических фондов по народам Средней Азии. С 1900 по 1909 г. он почти ежегодно выезжал в Туркестанский край. В 1900—1902 гг. С.М. Дудин совершил три поездки по Русскому Туркестану и Западной части Китайского Туркестана, где собрал большие этнографические и археологические коллекции, отснял негативы. Так называемые «дудинские» коллекции в фондах РЭМ содержат свыше 4 000 экспонатов (почти половина среднеазиатских фондов). В их состав входят 35 коллекций по узбекам, таджикам, сартам, туркменам, киргизам [Русаякина 1961], а кроме того 15 фотоколлекций (свыше 1 500 снимков) [Морозова 1973].

Как специалиста в области коврового дела, керамики и других отраслей художественных ремесел в 1920—1921 гг. С.М. Дудина приглашали в Государственную экспертную комиссию в качестве эксперта по учету государственных ценностей. Такие организации, как Внешторг и Госторг, обращались к нему для консультаций при отборе и оценке больших партий ковров для

экспорта. Эрмитаж, Русский музей, Государственный музейный фонд и другие учреждения звали С.М. Дудина в качестве консультанта по вопросам прикладного искусства. В ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры, позже Институт археологии, ныне Институт истории материальной культуры РАН) С.М. Дудин был оформлен в числе штатных «ученых сотрудников».

Все эти годы С.М. Дудин сохранял тесный контакт с Академией художеств и ее выпускниками. Его избирали в состав жюри Весенней выставки Академии, он являлся председателем Общества взаимного вспомоществования русских художников. Как знаток книги, он создал в обществе библиотеку, выполнял в ней обязанности заведующего и пополнял ее. Библиотека насчитывала более 2 500 томов и около 500 журналов. В ней были собраны фотографии, газетные вырезки, а также собрание из 475 картин [РГИА. Ф. 791. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–192]. С.М. Дудин усердно занимался пропагандой истории искусства, выступал на заседаниях общества. В своих докладах он знакомил слушателей с новинками книжного рынка по искусству. Некоторые из его докладов были опубликованы в периодических изданиях.

Скончался С.М. Дудин в Саблино, под Ленинградом, на университетской станции, где он руководил летними практическими работами студентов, в 1929 г. от паралича сердца. Его друзья и коллеги — художники и этнографы — высоко оценили вклад Самуила Мартыновича в развитие отечественной науки и культуры. В 1930 г. в стенах Общества им. А.И. Куинджи была устроена посмертная выставка работ С.М. Дудина.

Вклад С.М. Дудина в пополнение иллюстративных коллекций МАЭ имеет несомненную научную значимость, он обогатил наши этнографические познания о культуре многих народов Средней Азии и Казахстана. Среди них представители оседлого населения — узбеки и таджики, туркмены, а также кочевники-казахи и некоренное население региона — евреи и цыгане. По сравнению с его предшественниками, собирателями иллюстративных коллекций музея, которые бывали в регионе по воле случая и формировали материалы по своему усмотрению, С.М. Дудин выезжал в экспедиции постоянно, проводя систематические исследования.

Коллекционные сборы С.М. Дудина имели научный характер, собиратель и фотограф становился этнографом-исследователем. Благодаря его собирательской деятельности в музее стал накапливаться ценный монографический научный материал по целым народам. Его коллекции содержат серии изображений, очень важных для характеристики различных видов хозяйственной деятельности населения, ремесел, традицион-

ного костюма, жилища, религии, декоративного искусства и т.д. Фотоработы С.М. Дудина выполнены мастерски и поэтому даже постановочные снимки воспринимаются как документальные кадры, взятые из жизни. Дальнейшее более углубленное изучение научного наследия С.М. Дудина представляет значительный интерес для этнографов и практической деятельности музея.

Список сокращений

АИИМК РАН — Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук

АРАН — Архив Российской Академии наук

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

МАХ — Музей Академии художеств

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук

РГИА — Российский государственный исторический архив

РЭМ — Российский этнографический музей

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук

ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Архивные материалы

АИИМК РАН. 1892. Ф. 1. Оп. 1. № 187. О командировании ученика Императорской Академии художеств С.М. Дудина в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области. 26 октября 1892 г. — 8 марта 1893 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 45. Материалы юбилейного отчета Музея. [Отчетная записка о деятельности Музея с 1889 по 1913 г.] 1913 г.

АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Письма ученых о финансировании отдельных командировок, о покупке коллекций и предварительные отчеты о работе. 13 января — 22 декабря 1908 г.

АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Письма МИД о финансировании Комитета. Предварительные отчеты о работе русских ученых и просьбы Национальных Комитетов об организации экспедиций на Кавказ, Приамурье, Туркестан. 16 января — 24 декабря 1908 г.

АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 53. Письма МИД о финансировании Комитета и экспедиций в Восточный Туркестан. Предварительные отчеты о работе русских и иностранных ученых. 14 января — 29 декабря 1909 г.

АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Письма МИД о финансировании и предварительные отчеты о работе русских и иностранных ученых. 10 января — 29 декабря 1914 г. Письма ученых об организации и финансировании экспедиций на Алтай, Памир, в Корею, Забайкалье, Сибирь, Среднюю Азию, Турцию. 11 февраля — 31 октября 1914 г.

- АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Дудин Самуил Мартынович, фотограф-художник. Прилуки, Париж, Самарканд. 1894, 1896, 1902 гг.
- АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 245. Переписка о командировках художника Дудина С.М. в Среднюю Азию для собирания этнографического материала, удостоверение, планы и маршруты командировок, отчеты С.М. Дудина. 22 февраля — 23 августа 1900 г.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Ед. хр. 124. О командировках. 13 марта 1907 г.
- РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Ед. хр. 164. Дудин Самуил Мартынович. 1891.
- РГИА. Ф. 789. Оп. 11-1891. Ед. хр. 164. О командировках. 13 марта 1907 г.
- РГИА. Ф. 791. Оп. 1. Ед. хр. 3. Материалы к истории Общества взаимного вспомоществования русских художников: отчеты правления за 1917 и 1922–1930 гг., краткие обзоры деятельности за 1909–1917 и 1909–1924 гг.; списки членов и сведения о них; письма членов Общества И.Е. Репину; административные отчеты и документы по другим вопросам». 1913–1930 гг.

Библиография

- Апухтин О.* Влюбленный в Туркестан // Звезда Востока. 1974. № 1. С. 208–212.
- Апухтин О.* Фотографы-путешественники // Вечерний Ташкент. 1977, 23 сент.
- Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX вв. (По материалам Восточного Казахстана) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Этнография. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казахской ССР, 1959. Т. 6. С. 19–90.
- Ахунова М.А., Лукин Б.В.* История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк. Ташкент: Фан, 1970.
- Бартольд В.В.* Воспоминание о С.М. Дудине // СМАЭ. Т. 9. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 348–353.
- Бартольд В.В.* Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Записки Вост. отд. Русск. археолог. о-ва. 1921. Т. 25. С. 337–355.
- Бартольд В.В.* Сочинения: В 9 т. Т. 9. М.: Наука, 1977.
- Биялов Б., Черманова М.* Шормановы в свете переписи населения 1897 г. и их потомки в XXI в. // Евразийское сообщество. Общество. Политика. Культура. 2002. № 2. С. 111–125.
- Валиханов Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Алма-Ата: Каз. сов. энциклопедия, 1985.
- Васильева Г.П.* История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII — XX века: Очерки. М.: Наука, 2003.
- Вишневецкая В.А.* Из жизни и деятельности С.М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сб. науч. трудов. СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. С. 84–106.

- Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса: В 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.
- Дмитриев С.В.* Штрихи к собирательской деятельности С.М. Дудина // СМАЭ. Т. 52. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 96–106.
- Дудин С.М.* Архитектурные памятники Китайского Туркестана. Из путевых записок // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 6. С. 75–80; № 10. С. 127–132; № 19. С. 218–220; № 22. С. 241–246; № 28. С. 292–296; № 31. С. 315–321.
- Дудин С.М.* Ковровые изделия Средней Азии // СМАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1928. Т. 7. С. 71–166.
- Дудин С.М.* Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей // Изв. Имп. Археологической комиссии. СПб., 1903. Т. 7. С. 49–73.
- Дудин С.М.* Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // СМАЭ. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 21–92.
- Дудин С.М.* Фотография в научных поездках // Краеведение. М.; Л., 1924. Т. 1. № 1–4. С. 31–53.
- Дудин С.М.* Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 31–53.
- Заседание 8 октября 1897 // Протоколы заседаний историко-филологического отделения Императорской Академии наук. СПб.: Б.и., 1897. § 145. Б.п. [На правах рукописи].
- Зеленин Д.К.* С.М. Дудин (1863–1929). К годовщине смерти // Советская Азия. 1930. № 5–6. С. 34–35.
- [ИИХ] Императорская Академия художеств. Музей. Русская живопись. Пг.: Унион, 1915.
- Карский Е.Ф.* Памяти С.М. Дудина // СМАЭ. Т. 9. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 341–344.
- [КСХК] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 гг.) / Под ред. А.Б. Турсунбаева. Алма-Ата: Тип. № 2 Главполиграфпрома Госкомитета Совета министров КазССР по печати, 1967. Ч. 1.
- Лаврентьева Е.Г.* Коллекции кяхтинских купцов в собраниях первого российского Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: Мат-лы всерос. науч.-практ. конференции (Улан-Удэ, 6–9 сентября 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 37–42.
- Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958.
- Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1962.
- Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965.

- Морозова А.С.* Туркмения в фотоколлекциях С.М. Дудина // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. (Мат-лы к ист.-этногр. атласу Сред. Азии и Казахстана) / Отв. ред. Г.Е. Марков, А. Оразов. Ашхабад: Ылым, 1973. С. 40–161.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти Самуила Мартыновича Дудина // СМАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Т. 9. С. 353–357.
- Ольденбург С.Ф.* Русская туркестанская экспедиция 1909–1910. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914.
- Пекарский Э.К.* С.М. Дудин // СМАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Т. 9. С. 344–348.
- Попов Ю.Г., Рязанцев В.П.* Корниловы, Карбышевы, Рязанцевы и другие казаки станицы Каркаралинской: штрихи краеведческой летописи. СПб.: Всерусский соборъ, 2008.
- Попова Л.Ф., Старостина О.В.* Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007. СПб.: Кунсткамера, 2007. С. 176–181.
- Прищепова В.А., Черманова М.Б.* Встречи на курултае век спустя // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: Центр «Петербург. востоковедение», 1994. Вып. 5–6. С. 314–329.
- Радлов В.В.* Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895.
- Резван Е.А.* Самуил Дудин — фотограф, художник, этнограф (мат-лы экспедиции в Казахстан 1899 г. и 2010 г.): Каталог фотовыставки «Диалог цивилизаций» (Родос, Греция, 7–11 октября 2010 г.). СПб.: Б.и., 2010.
- Руйе А.* Диспут длиной в десятилетия // Импакт. Наука и общество. 1993. № 4: Фотография: на грани искусства и науки. С. 5–12.
- Русяйкина С.П.* Музейные фонды как источник для атласа Средней Азии // ТИЭ. Новая серия. Т. 48: Материалы к ист.-этногр. атласу Сред. Азии и Казахстана. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 36–85.
- Самарканд // Русский Туркестан. 1900, 11 сент. (раздел «Корреспонденции»).
- Станюкович Т.В.* Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР // СМАЭ. Л.: Наука, 1972. Т. 28. С. 5–31.
- Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978.
- Фельдструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002.
- Pavaloi M.* Bilder aus den Weiten der Steppe. Samuil M. Dudin. 1863–1929 // Mit Kamel und Kamera: Historische Orient-Fotografie 1864–1870 / Hrsg. W. Kopke. Hamburg, 2007. Bd. 38. S. 137–148. (Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde. Neue Folge).